

XVII.

А Н Д Р Е Й Ш Е Н Ь Е.

(Посвящено Н. Н. Раевскому.)

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveilloit....

Межь тѣмъ , какъ изумленный мѣрь
На урну Байрона взираешь ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данше тѣнь его внимаешь ,

Зовешь меня другая тѣнь ,
Давно безъ пѣсень , безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни спраданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви , дубравъ и мира ,
Пѣвцу возвышенной мечпы
Звучишь незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлешь онъ и пы.

Подьялась вновь уснувшая сѣкира
 И жершву новую зовешъ.
 Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
 Въ послѣднѣи разъ ему поешъ ¹.

Заутра казнь, привычный пиръ народу;
 Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поешъ? Поешъ она свободу:
 Не измѣнилась до конца!

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства!
 Я плахъ обречень. Послѣднѣе часы
 Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подыметъ за власы
 Надъ равнодушною толпою.
 Простите, о друзья! Мои безпріюшный прахъ
 Не будешь почивать въ саду, гдѣ провождали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранъ назначали.

Но , други , если обо мнѣ
 Священно вамъ воспоминанье;
 Исполните мое послѣднее желанье:
 Оплачьте , милые , мой жребій въ шишинѣ!
 Спрашитесь возбудишь слезами подозрѣнье!
 Въ нашъ вѣкъ , вы знаете , и слезы преспушенье :
 О братѣ сожалѣть не смѣешь нынѣ братъ.
 Еще жь одна мольба : вы слушали спокрапъ
 Спихи , лепучихъ думъ небрежныя созданья ,
 Разнообразныя , завѣшныя преданья
 Всей младости моей. Надежды и мечты
 И слезы и любовь , друзья , сіи листы
 Всю жизнь мою храняшь. У Авеля , у Фанни ² ,
 Молю , найдите ихъ! Невинной музы дани
 Сберите ! Спрогій свѣтъ , надменная молва
 Не будутъ вѣдашь ихъ. Увы , моя глава
 Безвременно падешъ ! Мой нездорѣлый геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній.
 Я скоро весь умру. Но , пѣнь мою любя ,
 Храните рукопись , о други , для себя!
 Когда гроза пройдетъ ; шолпою суевѣрной
 Сбирайтесь иногда читашъ мои свипокъ вѣрной ,
 И , долго слушая , скажите : эпо онъ!
 Вошь рѣчь его ! А я , забывъ могильный сонъ ,

Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Упьюсь... и, можешь быть, утѣшенъ буду я
 Любовью. Можешь быть, и *Узница* моя ³,
 Уныла и блѣдна, спихамъ любви внимая... »

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младыи пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 Пора весны его съ любовію, поскокой
 Промчалась передъ нимъ. Красавиць томны очи
 И пѣсни и пиры и пламенные ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и спиховъ журчанье излилось:

« Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
 Свободу и друзей и сладостную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою златую младость;
 Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и спихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.

Когда жъ, вакхальною превогой упомясь
 И новымъ пламенемъ незапно воспалась ,
 Я ушромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
 И находилъ ее въ смященіи и гнѣвѣ ;
 Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ ,
 Мои проклиная вѣкъ, ушраченный въ пирахъ ,
 Она меня гнала, бранила и прощала :
 Какъ сладко жизнь моя лилась и упекала !
 Зачѣмъ опть жизни сей, лѣнливой и простой,
 Я кинулся шуда, гдѣ ужась роковой ,
 Гдѣ спрассти дикія, гдѣ буйные невѣжды
 И злоба и корысть ! Куда, мои надежды ,
 Вы завлекли меня ! Чпо дѣлашь было мнѣ ,
 Мнѣ, вѣрному любви, спихамъ и шишинѣ ,
 На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами !
 Мнѣ ль было управляшь спропшивыми конями
 И крупно напрягать безсильныя бразды ?
 И чпо жъ оставлю я ? Забышыя слѣды
 Безумной ревности и дерзоссти ничпожной.
 Погибни, голось мой ! И ты, о призракъ ложной,
 Ты, слово, звукъ пустои . . .

« О нѣшь !

Умолкни, ропощъ малодушнои !

Гордись и радуйся, поэтъ!

Ты не поникъ главой послушной

Передъ позоромъ нашихъ лѣшъ :

Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя.

Твои свѣшочь, грозно пламенѣя ,

Жестокимъ блескомъ озарилъ

Совѣшь правителей безславныхъ 4;

Твой бичь настигнуль ихъ, казнилъ

. . . . .

Твой стихъ свиспаль по ихъ главамъ ;

Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду ;

Ты пѣлъ Марашовымъ жрецамъ

Кинжалъ и двѣу-эвмениду!

Когда свяшый старикъ ошь плахи оприваль

Внчанную главу рукой оцѣпенѣлой :

Ты смѣю имъ обоимъ руку даль ,

И передъ вами шренешаль

Ареопагъ оспервенѣлой.

Гордись , гордись , пѣвецъ ! А ты , свирѣпый звѣрь ,

Моей главой играй шеперь !

Она въ швоихъ когшяхъ. Но слушай, знай, безбожный:

Мой крикъ , мой ярый смѣхъ преслѣдуешь себя !

Пей нашу кровь , живи , губя :

Ты все пигмей, пигмей ничшожный.

И часъ придетъ . . . и онъ ужь недалёкъ:
 Падешь , тирань ! Негодованье
 Воспрянешь наконецъ . Опечесства рыданье
 Разбудишь упомленный рокъ.
 Теперь иду . . . пора . . . но ты спуай за мною !
 Я жду тебя . »

Такъ пѣль воспорженный поэшь.
 И все покоилось . Лампады тихій свѣтъ
 Блѣднѣль предъ ушренной зарёю ,
 И ушро вѣяло въ темницу . И поэшь
 Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры . . .
 Вдругъ шумъ . Пришли , зовушь . Они ! Надежды нѣтъ !
 Звучашъ ключи , замки , запоры .
 Зовушь . . . Постой , постой ! День только , день одинъ :
 И казней нѣтъ , и всѣмъ свобода ,
 И живъ великiи гражданинъ
 Среди великаго народа 5.
 Не слышашъ . Шесипвiе безмолвно . Ждетъ палачъ .
 Но дружба смершныи пушь поэша очаруетъ 6.
 Вошь плаха . Онъ взошелъ . Онъ славу именуешь 7 . . .
 Плачь , муза , плачь ! . . .

* *